

Сельские поселения — один из важных объектов этнографического изучения. В типах и формах поселений отражаются особенности исторического развития народов, хозяйственная и бытовая специфика сельского населения того или иного района. Интерес к исследованиям сельских поселений обусловлен также необходимостью решения ряда практических задач сегодняшнего дня.

Характерной чертой рецензируемого сборника является органическое соединение анализа истории сельских поселений с исследованиями современных тенденций в них, а также традиционных для этнографии сюжетов и проблем, еще недавно являвшихся «монополиями» других наук: географии, архитектуры, социологии. В наибольшей мере такой подход характерен для работ Г. К. Шкляева.

В статье «Из истории формирования сельского расселения и развития поселений на территории Удмуртии (XIX — начало XX в.)» анализируются различные аспекты генезиса сельского расселения: типы заселений, функциональная структура сети сельских поселений, соотношение их по плотности, их этнический состав, плотность и механическое движение сельского населения.

Изучив функциональный состав поселений, Г. К. Шкляев сделал ряд интересных выводов. По традиции считалось, что в период развитого феодализма возникновение такого типа поселений, как село, было связано с выполнением поместными пунктами функций поместных центров (мест размещения господской усадьбы)¹. Менее значимым, вторичным признаком села являлось наличие в поселении церкви. Автор показывает, что для Удмуртии середины XIX в. была характерна иная ситуация. Здесь преобладали села, возникшие как приходские центры, места расположения церквей (с. 27). Роль поместных центров выполняли сельца. Поселения этого типа изредка встречались в южных районах края (с. 28). Эту особенность удмуртских сел автор объясняет, с одной стороны, слабым распространением помещичьего землевладения, с другой — политикой царизма, насаждавшего православие в районах, заселенных удмуртами.

Автор убедительно показывает зависимость изменений в структуре расселения на территории Удмуртии от таких социально-экономических процессов, как эволюция характера землевладения, социальное расслоение, миграция населения. Логичен и вывод о том, что сходство основных черт социально-экономического развития удмуртского и русского крестьянства обусловило наличие общих тенденций в изменениях сельского расселения. Вместе с тем некоторые из указанных изменений в удмуртских селениях протекали медленнее, чем в русских, например переход от архаичной беспорядочно-гнездовой планировки поселков к уличной.

Современные тенденции и перспективы развития сельских поселений сравнительно недавно стали предметом этнографических исследований. Работ такой направленности еще мало, поэтому можно приветствовать включение в сборник статьи Г. К. Шкляева «Об изменениях в поселенческой структуре Удмуртии в советское время». В ней содержится большой статистический и социологический материал, часть которого вводится в научный оборот впервые; характеризуются позитивные сдвиги в структуре сельского расселения как отражение коренных социальных изменений в жизни колхозной деревни; выделяются три этапа в развитии поселенческой сети республики в советский период. Г. К. Шкляев освещает вопрос о направлениях совершенствования структуры и форм сельского расселения.

К сожалению, этот аспект статьи наиболее уязвим. При этом недостатки указанного раздела типичны для некоторых этнографических работ, посвященных вопросам переустройства села. В них пока еще не найден свой предмет исследований, а чисто градостроительные концепции воспринимаются порой некритически и с некоторым запозданием. Не избежал этого и Г. К. Шкляев. Так, он считает, что «главным направлением развития населенных пунктов является их укрупнение за счет сселения мелких поселений» (с. 66—67). Такой подход к переустройству села преобладал в градостроительной науке и практике недавнего прошлого. В настоящее время он радикально пересмотрен. В документе, определяющем основные принципы перспективного развития расселения по стране в целом и по рассматриваемому региону (Генеральная схема расселения на территории СССР)², в качестве главного направления совершенствования сельского расселения принято формирование систем населенных мест различного иерархического уровня. В таких системах должны получить развитие селения различного функционального типа и плотности. Неактуален вопрос определения оптимальных размеров поселка (автор считает оптимальным поселок не менее 1 тыс. жителей, в крайнем случае 500 чел.— с. 67). Такими цифрами оперировали, когда объем сферы обслуживания рассчитывался на жителей автономного поселка. Сейчас состав и мощность учреждений обслуживания определяются для группы поселений, исходя из численности жителей центрального поселка и территории, входящей в зону его влияния. Для условий Нечерноземья признано нецелесообразным массовое сселение населенных пунктов.

В то же время одним из чрезвычайно актуальных и практически не разработанных в градостроительной теории является вопрос о своеобразии задач, методов и форм преобразования структуры сети сельских поселений в районах с различным националь-

¹ Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси.— Изв. Гос. ин-та истории материальной культуры, 1935, в. 138, с. 44.

² Фомин Г. Н. Научные основы и пути развития Генеральной схемы расселения на территории СССР.— В кн.: Современные проблемы географии. М.: Наука, 1976.

ным составом. В решении этой задачи большую пользу могли бы принести этнографические исследования.

В наибольшей мере национальное своеобразие тенденциям развития сельских поселений и изменениям в их структуре придают миграционные процессы. Анализу этих процессов посвящены статьи Г. К. Шкляева «Некоторые вопросы демографической ситуации в сельской местности Удмуртской АССР» и З. П. Чесноковой «О территориальной подвижности сельского населения Удмуртской АССР».

Г. К. Шкляев показывает, что такие факторы, как природно-географические условия, функциональный состав, людность и уровень развития материальной среды сельских поселений, их удаленность от города и др., в основном односторонне воздействуют на формирование миграционных потоков сельских жителей различных национальностей и обуславливают преобладающую установку на миграцию в город. В результате численность сельского населения в Удмуртии сокращается, при этом более высокими темпами, чем в целом по стране (с. 71). В то же время весьма заметны особенности миграционных процессов. Отток из села русского населения более интенсивен, чем удмуртского, следствием этого явились сокращение доли сел с русским населением и рост удельного веса удмуртских (с. 65). Значительный отток молодежи из русских селений обусловил их «постарение». В удмуртских селениях доля молодежи почти вдвое выше, чем в селениях с русским населением (с. 70). Автор показал, что не только интенсивность, но и направленность миграционных потоков существенно различаются по этническому признаку: удмуртское население более, чем русское, ориентировано на внутрисельскую миграцию и переселение в ближайшие рабочие поселки (с. 72); 2/3 населения, прибывающего в сельскую местность (как правило, это лица, возвращающиеся в родные места из Советской Армии или после окончания учебных заведений), направляется в удмуртские населенные пункты (с. 73).

Анализируя статистические взаимосвязи между интенсивностью миграции и такими переменными, как плотность сельского населения на территории, средняя людность поселений, доли различных демографических групп в их составе и, наконец, удельный вес лиц коренной национальности, З. П. Чеснокова установила, что последний из перечисленных признаков оказывает большее влияние на интенсивность миграции, чем остальные (с. 90). Поэтому убедителен вывод Г. К. Шкляева о том, что по влиянию на миграционные процессы этнические факторы сопоставимы с экономическими (с. 76).

Значительному влиянию этнических факторов на демографическую ситуацию в республике посвящена статья В. В. Пименова «Краткая статистико-этнографическая характеристика удмуртов». Автор показывает, что этноязыковые факторы могут сдерживать миграцию в город удмуртского населения, так как лишь 63,3% удмуртов владеют русским языком (с. 94—95).

Для выяснения этнических факторов, влияющих на миграцию, большой интерес представляет проведенный автором анализ характера общения сельских жителей с соседями, дружеских и брачных отношений.

В небольшой по объему статье В. В. Пименову удалось сосредоточить обширную информацию о наиболее существенных сторонах удмуртского этноса: демосоциальные и этноязыковые характеристики, оценка отношений сельских и городских жителей к традиционным этнокультурным ценностям, основные сведения о материальной и духовной культуре удмуртов и др.

Некоторые из этих фактов уже известны специалистам по фундаментальному труду В. В. Пименова³. Однако это обстоятельство не снижает ценности рецензируемой статьи. Сжатая форма изложения результатов крупномасштабного статистико-этнографического исследования дает возможность ознакомиться с ними широкому кругу читателей и облегчает практическое использование этнографических материалов.

Статистико-этнографические и этносоциологические исследования, как правило, основываются на выборочных наблюдениях. Освещению некоторых вопросов методики выборочного обследования типологии сельских поселений как одному из этапов выборки посвящены две статьи сборника: Э. К. Васильевой, Л. С. Христюловой — «Опыт построения схемы выборки сельского и городского населения» и Э. К. Васильевой, Г. П. Белоруковой — «Методические принципы многомерной классификации населенных пунктов (по материалам Удмуртской АССР)».

Наиболее распространенной в социологических исследованиях является многоступенчатая выборка. Она позволяет сократить объем единиц наблюдения, что облегчает сбор и обработку информации и в то же время обеспечивает приемлемую репрезентативность. Однако чем больше ступеней отбора, тем выше вероятность смещения выборки. Поэтому предложенная авторами методика сокращения многоступенчатости, сведения ее до двух ступеней может найти широкое применение в этносоциологических исследованиях, так же как и опыт районирования и классификации сельских поселений. Самостоятельный интерес представляет справочный материал (картографический и табличный), широко представленный в статьях (с. 110, 112—117, 136—137). Лишь одно из положений рассматриваемой схемы выборки вызывает возражение: принятие населенного пункта в качестве основной единицы отбора и отсутствие в числе объектов наблюдения административного района (с. 141). Сельское поселение постепенно утрачивает свою автономность как место удовлетворения трудовых и бытовых потребностей жителей, их деятельность все в большей мере реализуется в системе сельских по-

³ Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Ижевск: Удмуртия, 1977.

селений. Поэтому отказ от анализа районного звена лишает социолога возможности рассмотреть основные связи, характерные для аграрного труда и образа жизни сельского населения.

Несколько особняком стоит статья А. Ю. Петерсона «О некоторых общих чертах развития крестьянского жилища коми и удмуртов». Жилище — неотъемлемый элемент поселений. Соотношение жилищ различного типа и форм, их количество, расположение — важные признаки для характеристики типов селений и в известной мере типов расселения. Но автор рассматривает жилище в ином ракурсе. Анализируя некоторые конструктивные особенности жилых зданий, он выделяет общие черты в материальной культуре народов пермской группы. Такой анализ может представлять интерес для специалистов, но слабо связан с проблематикой рецензируемого сборника, тематика которого достаточно четко ограничена.

Большинство поставленных в книге вопросов решается на материалах Удмуртии XIX—XX вв. впервые. Как всякому начинанию, работе этого коллектива авторов свойственны отдельные недостатки или положения, которые могут рассматриваться как дискуссионные. Несомненно одно: сборник посвящен актуальной, сложной и пока малоразработанной проблеме этносоциологических исследований сельских поселений и расселения и вносит весомый вклад в ее решение.

Э. А. Паин

Н. В. Зорин. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. 199 с.

Книга Н. В. Зорина — итог регионального исследования традиционной свадебной обрядности. При современном состоянии изученности русского свадебного обряда, когда для обобщения в пределах всего национального материала еще не пришло время, обобщения по регионам приобретают особое значение.

Выбор региона — Среднее Поволжье — придает книге дополнительный интерес, так как до сих пор этнографов и фольклористов привлекал главным образом свадебный обряд Русского Севера; обрядность среднерусской этнографической зоны, а также Поволжья изучена значительно слабее.

Актуальны не только проблематика и материал книги, но и ее методика. Исследование ведется на основе большого статистического материала, обобщения социологических анкет, используется и методика картографирования. Поэтому книга Н. В. Зорина как один из немногих пока опытов региональных обобщений заслуживает детального анализа и дает повод еще раз обсудить некоторые общие принципы изучения свадебного обряда на современном этапе.

При региональном исследовании важно, чтобы изучение велось в обоснованно выбранных и строго очерченных границах, соответствующих современным этнографическим представлениям об этнографических зонах и группах русского народа¹. Выбор территории Среднего Поволжья (в книге исследуется северная часть его) не случаен, так как по данным материальной культуры (исследования Е. П. Бусыгина) эта территория выделяется в особый историко-этнографический регион.

Рассмотрению традиционной свадебной обрядности в изучаемом регионе в книге предшествует подробное исследование брачных норм, характерных для русского населения региона. В первой главе «Брак у русских крестьян» рассматривается целый комплекс обычаев, правовых и социальных представлений, имущественных отношений, связанных со свадьбой: описываются места брачных знакомств, право брачного выбора, возраст вступления в брак, брачные связи, календарное приурочение браков, характер личной собственности невесты, состав и размеры приданого, кладки, способы заключения брака и т. п.

В дореволюционной этнографической литературе брачные нормы русского населения края освещены слабо. Совершенно справедливо Н. В. Зорин отмечает, что и в процессе современных полевых исследований они восстанавливаются с трудом, так как сохранились в памяти пожилых людей хуже, чем сам обряд. Поэтому исключительно важное значение приобретает обращение к данным справочной и статистической литературы. В книге используются опубликованные материалы переписи 1897 г., периодические издания («Статистика Российской империи» и т. п.), а также статистические сведения, извлеченные из неизданных работ, хранящихся в различных архивах страны.

В главе о брачных нормах даются 12 статистических таблиц и 8 диаграмм, которые отражают национальный состав края по уездам, структуру русских поселений по «людности», возрастной состав вступающих в брак, календарное распределение браков, соотношение первичных и вторичных браков и т. д.

Так как Среднее Поволжье — район многонациональный, в книге прослеживаются различия в брачных нормах у соседствующих народов и их культурно-бытовые взаимовлияния. Например, в табл. 4 приведен материал о возрасте вступающих в брак русских Юматовской волости, а в табл. 5 — данные о возрасте брачащихся татар Косяковской волости. В работе приведены диаграммы «Календарное распределение браков в уездах

¹ Чистов К. В. Предисловие.— В кн.: Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978, с. 4.